

Специальный выпуск № 6 детского литературно-художественного журнала «Сибирячок» посвящён столетию со дня рождения иркутского писателя и поэта Марка Давидовича Сергеева. В сборник вошли сказки и стихотворения, которые были опубликованы в разные годы. В них рассказывается о приключениях персонажей журнала, часть из которых придумал писатель, о тайнах природы, о любви к родной земле.

Марк Сергеев – писатель, который придумал Сибирячка

Сказки Сибирячка

Сибирячок

В тайге, на берегу Байкала, растёт кедр. Даже самые древние вороны, которые, как известно, живут по триста лет, помнят его стариком, и никто во всей тайге уже не знает, когда он перестал от старости плодоносить. Иголки его свежи, ветви толсты и прочны, а кедровые шишки не появлялись на нём давным-давно.

Однажды летом на целую неделю зарядило ненастье, небо затянуло тучами, серыми, как олени шкуры, в них заблестела молния, точно золотые олени рога. И пошёл дождь, долгий, нудный, мелкий, пробирающий до озноба.

И звери попрятались: кто в норке живёт – забрался в свою норку, кто в дупле живёт – в своё дупло, а старая Ворона притаилась на ветвях кедр-великана и осталась сухой, вот только скучно ей было, непоседливой, пять дней кряду торчать на одном месте.

От нечего делать она внимательно стала оглядывать всё вокруг и заметила, что дерево, на котором она пристроилась, необычное, что в одном месте его трёххватного ствола словно бы светится что-то, полоска яркая, слепящая глаза.

Вот кончился дождь, солнышко появилось в небе, и вдруг из светящейся щёлки на стволе старого кедр вырвался лучик, сперва красный, потом за ним – оранжевый, следом – жёлтый, вдогонку ему – зелёный, голубой, синий, фиолетовый. И от кедр до самого Байкала засверкала радуга! Она всё удлинялась, выгибалась в дугу, пока многоцветным сиянием не встала над всей бескрайней тайгой. И тут, в её сиянии, Ворона увидела: на самой верхушке дерева, спрятавшись в густоте хвои, висит малюсенькая одна-единственная рыжая шишка. С тех пор Ворона каждый день прилетала к старому кедр, глядела, как не по дням, а по часам растёт шишка, темнеют её чешуйки.

«Здесь что-то кррроется! – подумала Ворона. – Буду сторррожить пррррекрасную, кракрасивую шишку. Потому что кто-нибудь её склюёт, или белка утацит в своё жилище, а я останусь без такой прелести».

И добровольный сторож охранял маленькое чудо до самой осени. Впрочем, к этому времени вряд ли кедровую шишку можно назвать маленьким чудом, это скорее было весьма значительное чудо, более того – огромное чудо, потому что никогда ещё никто в тайге не видел шишки величиной с пудовую гирию.

Ворона, мудрая птица, позаботилась о том, чтобы шишка не свалилась какому-нибудь неуклюжему зверёнышу на голову и не пришибла его, и это было особенно важно, потому что подросшие лесные малыши очень любили играть в тени кедр. Ворона натаскала с берега Байкала белые камешки и выложила на земле, у корней, большой круг. Слетала в город, принесла и устроила в ветвях два плаката: «Не стой под грузом» и «Опасная зона». И надо сказать, что поступила она очень предусмотрительно, потому что в один прекрасный день шишка с громким стуком... нет, с громким шумом... нет, с громким шлёпом упала как раз в серединку круга.

Вдруг отлетели все чешуйки и остался на земле один орешек, точнее – один орех, а ещё точнее – один орешнице. Раздался треск, ореховая скорлупа лопнула...

– Наверное, это кедрровка! – сказала Ворона слетевшимся на шум птицам, сбежавшимся зверькам и омулю, который из любопытства высунул голову из Байкала. – Кто же может родиться у кедрра, кроме кедрровки?

А скорлупа раскололась надвое, и на поляне появился мальчишка в меховой кухлянке, в шапочке из чешуек кедровой шишки, в кукушкиных сапожках.

– Настоящий сибиррячок! – закричала Ворона.

И все тоже закричали:

– Настоящий сибирячок!

– Ничего себе рачок! – заворчал омуль и нырнул в глубину.

– Сиби... что? – спросил глухарь, он как раз пел свою глухариную песню и поэтому ничего не слышал.

– Мы вот имя ему придумали, – сказал медведь. – Си-би-ря-чок...

– Сибиррячок! – закричали кедровки.

– Сибирячок! – зачирикали синички.

– Здравствуйте! – сказал Сибирячок птицам по-птичьи, деревьям по-деревянному, а зверям по-звериному, чему все и удивились, и обрадовались.

И тут раздался шумный вздох. Это вздохнул старый кедр:

– Дружи с ними. Сибирячок, будь им помощником и защитником.

Смотри, Сибирячок, как хороша земля;

Поёт о чём-то лес, ветвями шевеля,

И слышен шорох трав, на них горит роса,

И рокот ручейков, и птичьи голоса...

Смотри, Сибирячок, чуть видною тропой

Олени по тайге идут на водопой

Туда, где синеву под солнцем расплескал,

Как сказка наяву – наш чудодей-Байкал.

Какой чистейший снег одел вершины гор,

Как молода земля по имени Сибирь!

Как Сибирячок осень собирал

Лес всё был зелёный-зелёный, привычный. Но однажды утром увидел Сибирячок на берёзе ветку с жёлтыми листьями и удивился:

– Берёза, что ли, зацвела?

– Это не цветочки, не у-кра-шение, – сказала ворона, – осень настала.

– Очень настала?

– Что очень?

– Ну, которая листья сделала золотыми?

– ОСЕНЬ настала пока НЕ ОЧЕНЬ, ясно? Она только-только началась, а уж как она настанет ОЧЕНЬ, так тут всё переменится – леса родного не узнаешь.

– И я это увижу?

– Ещё как увидишь!

А на следующее утро уже несколько берёз пожелтели, позолотели, и ещё в рассветной полутьме Сибирячок увидел, как они ясно светятся. «Наверное, она красит листья ночью, чтоб её никто не увидел. Интересно, какая у неё кисточка?» И он решил не спать целую ночь, зато увидеть осень, может быть, даже познакомиться с нею и попросить у неё волшебную кисточку. Ух, как бы он раскрасил всё вокруг: и синими сделал деревья, и фиолетовыми, и нежно-розовыми.

Вот настал вечер, а Сибирячок не спит.

Вот ночь пришла, а Сибирячок не спит.

Вот на лунных часах стрелки показали полночь, а Сибирячок все глядит на соседние деревья, все ждёт, когда же ОСЕНЬ придёт ОЧЕНЬ. А её всё нет и нет.

На рассвете вдруг сильно похолодало. Сибирячок надел шубку и снова устроился на пеньке. Что-то засветилось на кусте, потом на траве, словно тысячи маленьких светлячков, ослепительно горящих, прилетели невесть откуда и рассыпались по тайге. Но спряталась за деревья луна, ей уже пора было и сладко поспать денёк, и светлячки пропали. Сибирячок спрыгнул с пенька, подошёл к кусту, что стоял поближе, потрогал его: куст был мокрый.

«Роса светилась», – понял Сибирячок.

Откуда ни возьмись – Дрёма, полетала, покружилась над пеньком, села на траву, потянулась. Могучая Дрёма, предрассветная.

– Как дуну, так будешь знать!

– Что я буду знать, уважаемая незнакомая?

– Хм, незнакомая. Ну и скажешь ты, Сибирячок!

– Вы знаете, как меня звать?

– Как же не знать, ежели я каждый вечер тебя убаюкиваю, вот так: «Засыпай, Сибирячок, повернись-ка на бочок, спи себе в ночной тиши, сладко носиком дыши... дыши... дыши...» И почувствовал Сибирячок, как слипаются у него глаза, как тепло становится ему и уютно на пеньке...

А когда он открыл глаза – всюю сияло солнце и было удивительно светло, потому что вся тайга горела алыми, багряными, золотыми красками. И такой она была нарядной и радостной, что Сибирячок подумал: «Даже если бы он попросил у осени волшебную кисточку – ему никогда не удалось бы раскрасить деревья, кусты, траву так, как это сделала чудодейка. Жаль только, что он проспал, когда она пришла ОЧЕНЬ».

Весь день он гулял по лесу, собирал лиловые, красные, жёлтые, лимонные, оранжевые листья.

Принёс домой целую охапку.

«Это – берёза, – положил Сибирячок листья на стол, – это – осина... А это?»

Листьев было много, но ведь малыш не мог запомнить, с какого дерева какой листок он сорвал, уж очень красиво было в лесу, да и осень во всей её нарядности видел он впервые.

Как тут запомнить?

Может быть, вы ему поможете, друзья.

Погляди, какие дни стоят:

Ветер спит на бугорке,

Ходит осень золотистая,

Ходит с красками в руке.

И в лесах растенья разные –

От травинки до листа –

Перекрашивают в красные

Или в жёлтые цвета.

А потом берёт художница,

Бросив краски на траву,

В руки невидимки-ножницы

И стрижёт, стрижёт листву.

И проходишь утром в школу ты

По широкому двору,

Как по вытканному золотом

Драгоценному ковру.

Как Сибирячок стал немножко волшебником

Дятел Тук-Тукыч, главный лесной почтальон, принял по азбуке Морзе из дальней тайги телеграмму и принёс Сибирячку кусочек берёсты, на котором всё записал.

– «Просят пожаловать...» – читал вслух Сибирячок. – Интересно, на кого это они хотят пожаловаться?

– Милый мой, – сказала Ворона, – «пожаловать» вовсе не значит ябедничать. Пожаловать – это явиться, прибыть, посетить.

– Ну что ж, – сказал Сибирячок, – тогда пожалуем. Попрошу кабарожку показать мне дорожку! Пусть меня спозаранку отвезёт в Берестянку.

– Пре-кра-красная идея! Пре-кра-красный стих!

– Кто стих? Я не стих, я ещё разговариваю!

– Нет, Сибирячок, стих – это стих! Это значит, что ты не замолчал, а придумал стих – стихотворение.

А вот и школа.

Ребятишки высыпали на улицу, машут шапками, встречают лесных гостей.

Тут прозвенел звонок, все начали толкаться в дверях.

Первоклассники взяли Сибирячка за руку...

Но Ворона испугалась, что им не пробраться сквозь весёлую свалку. Она схватила Сибирячка за воротник и влетела с ним в открытую форточку.

В классе было лишь два ученика. Один поменьше – сидел за партой и плакал. Второй – побольше – с удовольствием хрустел яблоком, которое – всё ясно! – только что отобрал у своего одноклассника.

– Так ты, оказывается, разбойник? – покачал головой Сибирячок. – Отдай яблоко!

– Не ссорься с ним, Сибирячок, это Колюн-Колун, он всех колотит.

– Не вернёшь яблоко, я тебя превращу в дерево... в яблоню. – Сибирячок, конечно, хотел только поугагать Колюна-Колуна, он ведь не знал, что отец-Кедр наделил его волшебным даром.

– Я же его уже съел! – засмеялся мальчишка. Он уже шагнул было к Сибирячку, чтобы показать, кто здесь хозяин, но почувствовал, что не может сдвинуться с места.

Яблочные косточки зашевелились в нём, стали прорастать, его руки сами неожиданно поднялись над головой и стали ветками. Когда в класс вбежали ребятишки и заняли свои места за партами, удивлению не было конца.

А на яблоне между тем появились цветы, она стала нарядной, пушистой. Но вскоре лепестки облетели, покрыли парту Колюна, словно нежные снежинки. А на месте цветов появились яблоки. Они всё росли, становились блестящими, румяными.

Сибирячок попробовал одно: вкуснятина! Тут ребятишки вскочили с мест, каждый мальчик и каждая девочка сорвали по яблоку и стали с удовольствием уплетать их за обе щёки. Как раз хватило всем по одному, а больше не осталось.

Тогда Сибирячок протянул руку в сторону Колюна, строго посмотрел на мальчика-дерево и сказал:

– Отомри!

Исчезла яблоня. Снова за партой оказался мальчишка. Оглядев класс, он удивился, что все едят яблоки, да такие огромные, каких никто в нашем краю не видывал.

Колюн спросил жалобно:

– А мне?

Первоклассники захохотали, а Сибирячок сказал строго:

– А ты своё уже съел.

Как Сибирячок учился летать

Как ни длинна зима, а конец у неё всё же есть. Первым весну увидел старый кедр, он ведь был всех выше в тайге, и солнце, укладываясь по вечерам спать, посылало ему всегда самый последний лучик: «Доброй ночи, кедр-великан», а просыпаясь на рассвете, приветствовало его самым первым лучиком: «Доброе утро, стоишь ещё?»

– Стою, стою! – улыбался в ответ кедр.

И на этот раз его разбудило солнышко, но было оно какое-то новенькое, словно помолодевшее, и лучик-привет его был таким тёплым, что старый кедр сразу догадался в чём дело.

– Весна, весна пришла, голубушка наша! – зашумел он на всю тайгу. И хотя ещё лежал снег, и стужа была знатная, деревья стали просыпаться, потягиваться, стряхивая с ветвей ледышки, рассказывать друг другу зимние сны.

– Доброе утр-р-ро! Доброе утр-р-ро! Вставай, Сибирячок, весна пришла!

Ворона уселась на пол и попыталась стянуть с малыша тёплое одеяло из паутинной пряжи, набитой птичьим пухом.

– А что такое «весна»? – спросил Сибирячок, протирая глаза.

– Весна – это... весна!

– Ага, понятно. Весна это весна. Вы так хорошо всё объясняете...

«Да... – подумала ворона, – ничего не знает, нужно учить уму-разуму, он ведь толковый, всё на лету схватывает. Как я сказала? На лету? Ого-го, это идея! Прямо замечательная идея!»

И ничего не сказав Сибирячку, она куда-то улетела.

А Сибирячок сделал физзарядку, выпил чаю с мёдом и только хотел убрать со стола, как услышал за дверью голоса.

– Нет, пожалуйста, пожалуйста, – говорил глухарь, – да разве мне жалко? Они запасные, по этой причине абсолютно новые. Но поднимет ли их Сибирячок? Ведь прежде, чем они его поднимут, он их должен поднять...

– Кра-вильно! Кра-вильно говоришь!

– Мо-и, мо-и, годятся! – закричала синичка.

– Твои маловаты, – проворковал дикий голубь, – мои как раз будут.

– Надо попр-робовать, – согласилась ворона.

«О чём это они толкуют?» – подумал Сибирячок, вышел из дому и увидел, что на полянке под старым кедром собрались птицы, живущие поблизости, разложили на земле какие-то яркие лоскутки и спорят. Это были крылья. Малыш никак не мог только догадаться – чьи, потому что птицы без крыльев выглядели забавно, они совсем не были похожи сами на себя.

Все птицы по очереди примерили Сибирячку свои крылья. Одни были малы, другие велики, третьи длинные, четвёртые короткие. Прав был лесной дикий голубь: его сизые крылья оказались малышу впору. Голубь улетел и вскоре вернулся, неся в лапках пару запасных крылышек, и ловко приладил их Сибирячку. До самого вечера Сибирячок под присмотром вороны и голубя учился летать. Он подпрыгивал и кувыркался над землёй совсем низко, потом взобрался на ближнюю ветку кедра, потом – повыше. Да, это было куда интереснее, чем камнем лететь через речку.

– Хвостом, хвостом рули! – кричал голубь.

– Чего нет, того нет, – смеялась ворона.

– Нет у меня хвоста!

– Тогда лапами!

– Чего нет, того нет, – продолжала своё ворона.

– Это в каком же смысле? – обижался голубь.

– А в том смысле, что надо смыслить: у него ноги. Ноги!

– Не всё равно, ноги ли, лапы ли? Важно, чтобы рулил!

– Не ссорьтесь, будьте добры, вон уже как я умею.

И Сибирячок взобрался на самую верхнюю ветку старого кедра.

– Осторожнее, сынок, – чуть слышно сказал великан и, затаив дыхание, следил, как малыш, широко раскинув крылья, парил вокруг его кроны. Довольный старик расправил все свои веточки, будто помолодел от радости.

Но что это? Расхрабренный Сибирячок забыл об осторожности, крыло зацепилось за ветку ближней сосны, и, потеряв равновесие от удара, плохо владея собой, малыш полетел к земле.

Старый кедр замер, смола от напряжения выступила на его стволе. Если бы он мог, он шагнул бы, подставил малышу свои ветки, ласково поймал бы его. Но деревья, даже самые мудрые и волшебные, не могут сделать и шага.

«Бедный Сибирячок», – горестно вздохнул кедр.

Но ворона проявила неожиданную ловкость, которая ей, птице степенной, небыстрой, вовсе и не свойственна. Она бросилась наперерез, ухватила на лету Сибирячка за полу его шубки, а тут подоспел голубь, и они вдвоём бережно опустили малыша на полянку.

– Испугался? – спросил голубь.

– Что вы! Летать – это же замечательно!

– Конечно, – сказала ворона важно, – особенно если каждый раз я рядом.

А кто там кружится

над светлым простором долинным?

А кто там машет весёлым крылом голубиным?

А кто облетает тайгою поросшие горы

И так удивлённо глядит на открывшийся город?

Он видит реку,

что лежит голубым полукругом.

Он видит дома,

что как птицы летят друг за другом,

Он видит трамваи на линиях улиц стозвонных

И вас – ребяташек на школьных дворах полуденных.

А кто там кружится над городом нашим весенним,

Наполненным гулом, работой, учёбой, весельем?

Сейчас он замедлит полёт, на газон приземлится...

Пусть станет вам другом мальчишка, летящий как птица.

Как Сибирячок читал лесную книгу

Однажды ночью с неба просыпалось что-то белое-белое, пушистое-пушистое, холодное-холодное.

– Это снег! – сказала Ворона. – Вот и зима пришла.

–А где она? Я бы с ней поздоровался. Наверное, она за деревом спряталась! – удивился Сибирячок.

–Хра-хра-хра! – засмеялась Ворона. – Нет, дружок, эта кра-кра-красавица здесь перед тобой...

–Но я никого не вижу, кроме тебя.

–Я, конечно, – выпятила грудь Ворона, – важная птица, чрррезвычайно крррупная птица, но зима... Видишь, каждая снежинка похожа на звёздочку – это мельницы зимы крошат стужу на мелкие частички и разбрасывают по земле, и от каждой снежинки веет холодом, и сразу в лесу становится – кр-брр – неудобно...

–А зима?

–Что – зима?

–Ну ты же сказала, что она пришла.

–А если кто-то приходит, то он приходит, а если уходит, то его тогда нет. А тут зима пришла, а её нигде нет.

–Как это так нет? Кра-крайне удивляюсь. Пар у тебя изо рта идёт?

–Правда, идёт...

–А снег кругом белеет?

–Белеет.

–А на деревьях ни одного листка?

–Ага, ни одного.

–А вода в ручье замёрзла?

–Твёрдая-твёрдая. И не шумит.

–Пррравильно, пррравильно! Вот это и есть – зима, время года такое. Теперь спи, а завтра я тебя буду учить лесной грамоте, а то нехорошо, когда такой славный мальчуган и совершенно неграмотный, совершенно...

Утром вся земля была белой. Опушилась каждая веточка, на пнях сверкали новёхонькие папахи, и вид у пней был такой залихватский, словно это они посыпали всё вокруг серебряными звёздочками.

–Видишь, какую нам зима приготовила загадку? – спросила Ворона, прежде, конечно, пожелав Сибирячку доброго утра, потому что вежливость она считала своим главным достоинством. – Будем читать с тобой лесную книгу.

Они вышли из избушки, которую соорудили звери для Сибирячка, и отправились к ближайшей поляне.

– Гляди внимательно! Что ты видишь?

– Вон там веточка торчит, вон там – трава сухая.

– Пррравильно. А ещё что?

– Больше ничего...

– Да здесь же полно следов!

– А что такое следы?

– А это то, что остаётся...

– Ага, то, что остаётся. Понятно... А что остаётся?

– Следы.

– Значит, следы – это то, что остаётся, а то, что остаётся – это следы?

– Какой же ты, однако, непонятливый.

– Вот погляди... – и Ворона взлетела невысоко, потом опустилась на снег, прошлась взад-вперёд перед Сибирячком, потом подпрыгнула к нему на плечо.

– То, что осталось после меня, – следы. Меня нет, а они есть. Теперь ты пройди рядом с моими следами.

Сибирячок прошёлся, осталась цепочка вмятин от его сапожек.

– Вот видишь, а это – твои следы.

– Теперь ты можешь сказать мне: где ты ходил, а где я?

– Вот здесь – ты... А здесь – я.

– Пррравильно, пррравильно! Молодец!

– Теперь видишь, сколько следов на поляне? Сейчас я научу тебя читать их, и ты узнаешь, кто здесь побывал до нас.

Сибирячок и волшебный глобус

Утром Сибирячка разбудил громкий цокот копыт.

Оказывается, это егерь возвращался в тайгу из Иркутска и положил на нижнюю ветку старого кедра пакет. Сибирячок попросил Ворону скорее снять большой золотистый конверт и прочитал написанное синими буквами слово: «НАЙРАМ ДАЛ».

– Ага, - сказал он, - кто-то нам что-то дал... Какой-то Найрам!

Тут послышалось тихое хихиканье. Из реки высунулся омулёк и со смехом стал выпрыгивать из воды, нырять, снова выпрыгивать, снова нырять. Наконец он утомился и произнёс:

– Конечно, может, и есть где-то Найрам, но «найрамдал» по-монгольски, и по-бурятски, и по-калмыцки значит «дружба»!

- Ах, вот оно что! Дружба! Письмо от друга! Ура! – закричали все, а Ворона раскрыла пакет, вынула нарядный лист бумаги:

– Это из заграницы! – важно сообщила она.

– Как же нам прочитать его? – спросил Сибирячок.

– Кра-кра-кратчайшим путём! – воскликнула Ворона. Она взяла пакет в клюв и улетела.

А в это время в школе посёлка Усть-Ордынский прозвенел звонок, и малыши-второклассники расселись по партам, достали тетради и стали ждать учителя. Вдруг в открытую форточку влетела Ворона, уселась на учительский стол, важно походила по нему и обратилась к ребятам:

– Кара-пузы! Кто из вас умеет читать?

– Я! Я! Я! Я!.. – целых двадцать «Я» прозвучало одновременно. Мальчишки и девчонки сгрудились вокруг учительского стола и тут же перевели всё, что было написано в заграничном послании. А там сказано вот что: «Монгольские дети сердечно приглашают Сибирячка и его друзей, лесных жителей, на весёлый мальчиковый праздник «Большие игры» в столицу Монголии город Улан-Батор». Ворона вежливо поблагодарила таких умных и таких знающих усть-ордынских ребяташек

«КРАмотеев», как сказала она, и вернулась на лесную поляну.

...Стали собираться в путь. Приготовили подарки – туески с ягодами, орехами, лесным ароматным мёдом. Сибирячок вынес из своего домика волшебный глобус, благодаря которому наши герои уже совершили замечательное путешествие во Францию.

– Монголия – это здесь, – показал Сибирячок на глобусе золотистое, цвета горячего песка, пространство ниже Байкала.

– Это здесь! Это здесь! – закричала Ворона и от восторга клюнула глобус. Она ведь забыла, что глобус волшебный и прикасаться нужно к тому месту, где хочешь оказаться.

– Что ты делаешь?! – закричал Сибирячок. Но было уже поздно: и он, и Ворона, и подоспевшие на поляну аптекарь Анти-Ох, и боцман Федя Сарма, и все-все уже летели вверх тормашками неведомо куда. Вскоре вихрь, который их подхватил, рассеялся, утих, улеглась поднятая ветром пыль.

И наши друзья обнаружили, что сидят на песчаном бархане-холме, а вокруг, куда ни погляди, – всё песок, и песок, и песок.

Боцман Сарма посмотрел в свой бинокль и сказал взволнованно:

– Поздравляю вас! Мы – в пустыне Гоби!

– Пустыня – это значит, что она совсем пустая? – удивился Сибирячок.

– Абсолютно! – вздохнул Анти-Ох. – Если, конечно, не считать песка!

– Все моря во всех частях света я избородил! – засмеялся боцман Сарма. – Но по морю песка поплыву впервые.

– Разве у нас есть корабль?.. – растерянно спросил Сибирячок.

– Кар-кар-корабль... – пробормотала Ворона. – Лечу в разведку. Раз есть пустыня – должен быть и кар-раван!

Вскоре она вернулась разочарованная:

– Это пустыня неправильная: песок есть, а кар-равана нет... Зато я нашла для тебя, боцман Сарма, кар-кар-корабль. Сейчас он сюда явится. Тут из-за холма вышел длинноногий и длинношей зверь.

– Так это же верблюды! – закричали все.

– Правильно, – засмеялась Ворона.

– А разве не называют верблюдов кораблями пустыни? Он и поможет нам «переплыть» пески!

– Молодец, Ворона! – улыбнулся Сибирячок. – Сама нас сюда доставила, сама и выручает. Верблюд вежливо поприветствовал наших друзей, потом опустился на колени, чтобы удобнее было на него взобраться. Аптекарь Анти-Ох уселся первым, лицом вперёд, затем боцман Сарма, лицом назад. Анти-Ох взял на руки Сибирячка, Ворона уселась на плечо боцмана. Лесные зверьки устроились на горбах. И корабль пустыни тронулся в путь. Едут час – кругом пески. Едут два – кругом пески. Ни травинки, ни кустика. Солнце печёт. Воды нет. А пить ох как хочется... Тут боцман Сарма посмотрел в свой бинокль и закричал:

– Мы спасены!

И в самом деле, вскоре показались на горизонте всадники. Это из дальних пастбищ пастухи везли своих детей на праздник в город Улан-Батор, столицу Монголии. Ребяташки

обрадовались Сибирячку и всем-всем его друзьям. Правда, одна девочка спросила с опаской:

– А вы не инопланетяне?

– С чего ты взяла? – засмеялся Сибирячок.

– Так вы же с неба свалились!

Сибирячок познакомил ребят со всеми своими друзьями, пастухи напоили гостей водой из прохладных фляг. Усадили всех на коней перед собой, иначе дороги не видно, и в путь на праздник.

– Спасибо тебе! – сказал Сибирячок на прощание верблюду. – Ты настоящий товарищ!

Верблюд посмотрел весело на наших друзей, мотнул прощально головой и сказал:

– Найрамдал! Дружба!

Новые путешествия Сибирячка и его друзей

Когда Сибирячок проснулся – солнце уже сидело на верхушках сосен. Оно болтало ногами и целилось лучиками в бутоны лесных цветов: просыпайтесь, сонные тетери!

Посреди поляны радужно светился волшебный глобус, вокруг которого уже собрата» Ворона, и боцман Сарма, и аптекарь Лнти-Ох с неразлучными Наткой-Облаткой и Юлей-Пилюлей. Они что-то горячо обсуждали.

Сибирячок потихонечку подкрался к ним и крикнул:

– Вперёд! В полёт! На край света! – И когда все обрадованно взглянули на него, добавил: – Зачем дело стало? Нажми-ка, дед Кеша, там, где хочешь быть.

Леший Кеша отыскал Южную Америку, реку Амазонку, нажал зеленоватым пальцем на её берег. А глобус только захихикал:

– Ой, щекотно!

Тогда боцман Сарма отыскал Тихий океан, ткнул в него, а на глобусе показалась смеющаяся рожица и крикнула:

– С днём рождения, Сибирячок!

– Кар! – закричала Ворона. – Как нам не стыдно – забыть про такой замечательный праздник! Ах, позор на мою старую голову!

Тут из глобуса вылез и прыгнул на траву симпатичный мальчишка.

– Меня зовут Питер Пэн...

– А, летающий мальчик? – воскликнула Ворона.

– Ага, – кивнул головой Питер Пэн, – я самый и есть. Полетели?

– Куда? – спросил Сибирячок.

– На остров таинственных событий.

– Как это полетели? – удивился Сарма. – Без помощи глобуса я могу только плавать по бурным морям.

– А я только бегать по диким лесам.

– Ну, летать, положим, мне приходилось, – усмехнулась Ворона. – А вот как эти все – бескрылые?

– А вот как! – крикнул неожиданный гость и полетел над поляной... – Он опустился рядом с Сибирячком. – Нужно только захотеть! Очень захотеть!

– Я, конечно, очень хочу... – пробормотал Кеша, – Но боязно, однако. А вдруг свалюсь?

– Полетели! – согласился Сибирячок и первым вспорхнул в небо.

За ним аптекарь Анти-Ох, подхватив за воротники халатов визжавших от страха своих помощниц. Девчонки хныкали: «Ой, там же холодно, на высоте!...»

Последним вырулил боцман Сарма. Он летел с наслаждением, испытывая радость и от полёта, и от встречного ветра, и от того, что внизу под ними расстился синим блеском Великий Байкал.

Прошло несколько минут и Питер Пэн начал снижаться. Внизу промелькнул огромный город, Ворона увидела башню с часами, которые называются Большой Бэн, и закричала:

– Это Лондон!

Потом мелькнула река, морской порт, а невдалеке – необычных очертаний остров. На круглой, как часы, поляне их встретил старик-ворон.

– Я прилетел из древнего королевского дворца Тауэр, – сказал он, – чтобы приветствовать вас на острове таинственных происшествий. И первое из них уже началось.

Остров таинственных происшествий и неожиданных встреч

– Скорей, скорей на берег, – заторопился тауэрский ворон. – Как хорошо, что вы здесь, господин Сарма! Видите ли, у сэра Гулливера опять неприятности!

У самого берега они спрятались в кустах и, выглянув из засады, увидели страшную картинку: к дереву толстой верёвкой был привязан капитан Гулливер, а у костра на поляне резвились пираты.

«Ой-го-го! – пели они. – Сто человек на сундук мертвеца и бутылка рома!»

Пиратский капитан Сильвер с деревянной ногой, Билли Бонс с чёрной повязкой на глазу вертели кинжалами перед лицом знаменитого путешественника и требовали:

– Скажи, где зарыты деньги на острове Сокровищ, и ты спасёшь свою ничтожную жизнь!

– Ничего вы мне не сделаете, трусы!

В тот самый момент из кустов с шумом вылетела Ворона, она держала в лапах довольно увесистый камень. Подлетев к костру, она бросила камень с высоты в огонь, искры брызнули во все стороны, а Ворона закричала:

– Бомба-а, граната-а, мина-а! Спасайся, кто может!

Перепуганные от неожиданности пираты залезли с небывалой скоростью на деревья, а на поляну выскочил боцман Сарма, он схватил Сильвера и Билли Бонса за воротники, стукнул их лбами и, потеряв сознание, оба разбойника свалились на траву. Тем временем девочки разрежали медицинскими ланцетами верёвки, освободили знаменитого капитана. А Анти-Ох смазал его царапины облепиховым маслом, и все дела.

Когда они вернулись на круглую поляну, там уже стоял круглый стол, уставленный разными вкусностями, и толпилось множество народу. Тут был доктор Дулиттл, который сразу же бросился обнимать своего старого друга Анти-Оха, тут были Винни-Пух, поросёнок Пятачок, ослик Иа. На зонтике с неба спустилась волшебница-няня Мэри Поппинс.

В гостях у барона Мюнхгаузена

Уже был вечер, тайга постепенно погружалась в сумрак, лишь вершины сосен да крона старика кедра светились под последними лучами солнца. Вся компания сидела перед домиком Сибирячка и слушала очередной путаный рассказ лешего Кеша о его дальних (а на самом деле близких) родственниках. Близкими они были, потому что это были его братья и сёстры, а дальними, потому что жили они в лесах Европы, Америки, Австралии и ещё дальше, если это, конечно, возможно. И вдруг зоркий боцман Сарма, наблюдавший, как в небе проклёвываются первые звёзды, закричал:

– Полундра! Кто-то летит!

И в самом деле, под облаками, которые только что родились из байкальского тумана, летела стая гусей. Они странно выстроились в одну линию, а за ними, распластав руки, летел... – вы не поверите! – человек. Вдруг стая резко пошла на снижение и скрылась за деревьями, как определил леший Кеша, за версту от поляны.

Тут же снарядили туда Ворону, но она вернулась ни с чем: ни гусей, ни человека нигде не было. И вдруг на поляну прискакал олень. Между рогами у него росло вишнёвое дерево, а смешной человечек в белом парике с косичкой ел ягоды и выбрасывал косточки на траву.

– Не может быть! – закричала Ворона. – Не вас ли я вижу, драгоценный барон Мюнхгаузен? Нежданный гость спрыгнул на землю, церемонно раскланялся и сказал на ломаном русском языке:

– Как приятно видаль старых знакомых! Мы познакомились, когда я имел служить в русской армии двести лет раньше?

– Нет, когда вы путешествовали по Сибири. Помните?

– Барон Мюнхгаузен всё запоминайт.

– Как же вы здесь оказались, дорогой барон? – прервал их воспоминания Сибирячок.

– Я охотился в своём поместье в Германии на уток. Чтобы не стрелять много, я заряжал обычно ружьё своё вместо пуль шомполами. И вот – пах – и семь гусей нанизаны на шомпол, как бусы. А тут я решил ещё к шомполу привязать прочную нить, чтобы потом не разыскивать подстреленный птица.

– Ух, ты! – засмеялся леший Кеша. – Вот это заливает!

– Выстрелил я, – продолжал между тем Мюнхгаузен, – а утки, подумайт только, полетели.

– Так вы же говорили гуси?

– Да, гусь, гусь. Нет, утка. А теперь они сели в лес, а когда я чуть задрёмывал и отпускал нитка, они улетайт все четыре сторона. Хорошо из куста олень выбегайт, когда-то я стреляйт в него вишнёвый косточка.

– Ну что ж, – улыбнулся Сибирячок. – Будьте нашим гостем.

– Но я пригласил друзей-приятель на ужин из дичи! Они скажут, что барон Мюнхгаузена большой враль. А я шеловек ошчень правдив.

– У нас же есть волшебный глобус! – сказал боцман Сарма. – Отправим барона домой.

– А можно и мне? – робко вставил леший Кеша. – У меня там брательник живёт, в Германии.

– А почему бы и вам не отправиться ко мне в гостях? – обрадовался барон. – Мой дом – ваш комнат. Если это, как вы сказаь, волшебный глобус непошутилка...

Сибирячок даже обиделся. Он, не говоря ни слова, вынес из своего домика волшебный глобус и попросил Мюнхгаузена показать место, на котором стоит его замок. Барон ткнул длинным острым ногтем в чуть приметную точку на изображении Германии. Их подхватил вихрь, наступила темнота.

А когда наши путешественники открыли глаза, они уже были на берегу большой реки, впадающей в море.

– Это есть флюс... – Мюнхгаузен от радости погладил лешего Кешу по щеке.

– У меня никакого флюса нет, у меня зубы ух какие! – Кеша раскрыл во всю ширину рот, чтобы все могли полюбоваться на его жемчужные челюсти.

– Да флюс-то ведь по-немецки – река! – засмеялся боцман Сарма. – Как зовётся-то речка, а барон?

– Эс ист флюс Везер!

– Значит, море-то – Северное?

– Конечно, конечно, вы знайт географий!

– Ещё бы! У нас в мореходке, знаете как гоняли! Ну что ж, есть море, стало быть, поплаваем! Тут за деревьями послышался шум.

Выбежали люди в старинных ярких одеждах. «Барон! – кричали они. - Это и есть твои гуси?»

– Это мои гости из Сибир! – гордо отвечал барон. – Милости прошу к мой шалаш!

Как аптекарь Анти-Ох посадил цветной горох

Однажды Юля-Пилюля, гуляя по тайге и собирая травы для аптеки Анти-Оха, вместе с баданом, чистотелом, душицей сорвала какой-то странный стручок, похожий на гороховый, только немного побольше. Анти-Ох, увидев его, очень обрадовался, запрыгал на одной ножке и закричал:

– Волшебный горох!

Волшебный горох!

Его отыскать я

Доселе не мог!

Ребята, зверята, Сибирячок!

Взгляните на этот волшебный стручок!

Все сбежались в аптеке, так и эдак вертели стручок в руках – ничего интересного и особенного: горох и горох. Но аптекарь думал иначе, он подробно стал расспрашивать Юлю-Пилюлю, где она нашла такое чудо, но девочка горох сорвала случайно с какой-то другой травой, поэтому она махнула рукой в сторону Байкала:

– Там где-то...

Тотчас же была снаряжена экспедиция на байкальский берег. Белки прыгали деревья на дерево, всматривались в клубящиеся травы, бурундуки копошились под кустами, перебирая травинки, а пищуха-сенокосилка стала было острыми зубами косить пырей да клевер, но аптекарь остановил её, боясь, что поляна станет лысой. И только медведь топтался на одном месте, возле кустов дикой малины, сильно не хотелось косолапому идти дальше.

Ворона перелетала с места на место, кричала во весь голос: «Ура!», но когда Сибирячок и кто-нибудь из зверей бросался к ней, выяснялось, что вещунья ошиблась: то это был мышинный горох, то – заячья капуста.

Казалось, что уже всё осмотрели, Юля показала все места, где она бродила утром. Экспедиция вернулась домой, хоть и не с пустыми руками, а с целебными травами – и от кашля, и от лени, и от хвастовства, но ни одного горохового стручка не нашли. Чудеса, да и только!

Но аптекарь Анти-Ох не унывал. Он раскрыл створки стручка, там оказались горошины разных цветов. Он положил их в блюдечко с водой, и уже через несколько минут они набухли и пустили корешки.

Тогда по просьбе аптекаря дикий кабан клыками вскопал грядку, кроты её быстро разрыхлили. Аптекарь осторожно рассадил горошины довольно далеко одну от другой.

И что же вы думаете? Уже через полчаса проклюнулись ростки, а утром следующего дня аптеку окружал частокол из гороховых стеблей, каждый из них был толще стволов молодых берёзок, росших рядом с домом Анти-Оха. В полдень появились зелёные гляцевые стручки...

– Как бы птицы не истребили, – озабоченно чесал бородку аптекарь.

– Я покараю! – вызвалась Ворона. – Никто ничего не укра-кра-дёт!

Взошла круглая, как горошина, луна. Сибирячок с друзьями улёгся спать, только совы бесшумно парили меж древних сосен, да вдалеке протяжно выли волки. Ворона пристально глядела на стручки, они блестели под луной, ну просто притягивали взор. Вдруг один из стручков, что был ближе других к птице, открылся, цветные горошины в нём засветились, и чей-то лукавый голос негромко произнёс:

– А почему бы не попробовать? Съешь одну, на её месте появится другая... Ну что же ты, Мудрая Ворона? Неужто боишься?

– Я боюсь?! – каркнула птица. – Вот ещё!

И она проглотила жёлтую, как луна, горошину.

Что тут началось! На Ворону напал безудержный смех:

– Кра-ха-ха! Кра-ха-ха!!! – во весь голос хохотала она. – Ой, кра-ха-ха!

– Что с тобой? – подлетела сова.

Ворона ничего не смогла ей ответить. Заливаясь смехом, она показала крылом на горох.

– Что тут смешного? – удивилась сова, и так, шутки ради, схватила клювом жёлтую горошину. – Угу-хи-хи! Угу-хихихи! – Умолкнуть она уже не смогла.

И смех разбудил оленя, только-только уснувшего после дневных тревог. Олень побежал к аптеке, увидел на земле птиц, от хохота свалившихся с веток.

– Вы чё? Белены объелись?

– Не, кра-ха-ха!

– Не, угу-хи-хи-хи! Гороха... хи-хи...

– Гороха? – удивился олень. – Где горох? Какой горох?!

Ворона и сова показали крыльями на гороховые заросли, которые оплели уже всю аптеку, да так крепко, что проснувшийся от шума Анти-Ох никак не мог распахнуть дверь. Олень подошёл, неторопливо сжевал целый стручок... Сперва он захохотал, потом вдруг заплакал и стал причитать:

– Ах, бедный мой сыночек, куда ты попал? Уж не съел ли тебя серый злой волк?..

– Никого я не ел! – крикнул, выпрыгнув из кустов, матёрый волчище. – А сейчас вот, так и быть, закушу тобою. Ну что ты хохочешь? Не боишься меня, что ли?..

Волк бросился было к оленю, но Ворона, изловчившись, бросила ему в пасть, разинутую вовсю, жёлтую горошину. Волк вдруг повалился на спину и захохотал. На хохот стали сбегаться звери, слетаться птицы. Проснулся Сибирячок. Леший Кеша, почёсываясь, выбрался из пня. Медведь, что так и уснул под кустами малины, тоже притопал. Наконец раздался негромкий звук мотора, – это приплыл боцман Сарма. И сразу начал командовать.

– Аврал! Свистать всех наверх! Где топоры? Будем дверь высвобождать!

– Не надо горох рубить! – раздалось из аптеки. – Как-нибудь по-другому освободите дверь!

– Ничего себе горох! – сказал с улыбкой Сарма. – Однако что делать будем?..

– А вот чё, – перебил его леший Кеша. – Тащи-ка сюда канат, что у тебя на катере.

Боцман Сарма принёс бухту каната, леший привязал один конец к толстому стеблю гороха, загородившему дверь аптеки, а другой конец ещё к одному стеблю.

– А ну, ребята, навались! – закричал он.

Звери и птицы быстренько разделились, одни схватились за канат справа, другие – слева. Даже волк и олень взялись за работу. И только Ворона и сова валялись по траве, они уже жутко устали от смеха, совсем обессилели и только всхлипывали: «Кра-ха-ха», «Ух-хи-хи!» Боцман и леший, звери и птицы под команду тянули канаты изо всех сил, стебли гороха пружинили, но не раздвигались.

Зверей становилось всё больше и больше, наконец дверь освободилась, и счастливо улыбающийся аптекарь Анти-Ох, а с ним Юля-Пилюля и Натка-Облатка выбежали наружу. Анти-Ох отыскал самый большой стручок с красным стебельком, раскрыл его, достал алые, как спелая клубника, горошины.

Ворона получила лекарство первой.

И тут же перестала хохотать, только всхлипывала. Сова, проглотив горошину, устало вздохнула и спряталась в ветвях, ведь день уже был в разгаре, ей давным-давно полагалось спать. Олень тут же на поляне задремал, а волк, разжевав красную горошину и перестав хохотать, сказал почему-то:

– Простите, ребяташки! Я больше не буду! – и потихоньку скрылся за кустами.

– А что это за горох такой странный? – спросил Сибирячок.

– Расскажу как-нибудь на досуге, – ответил аптекарь. – А сейчас некогда: урожай надобно собирать...

И все принялись за работу.

Рифмы Сибирячка

День рождения Сибирячка

Уж вечер расстилает тени,

Зарозовели облака.

И наступает день рожденья

Сибирячка, Сибирячка!

И чтоб любой из вас получше

Его узнал, его узнал,

Пусть каждый купит иль получит

Его журнал, его журнал!

В нём сказок и стихов немало!

Он светится, как светлячок!
Мы верим: вы друзья журнала!
Сибирячок, Сибирячок! Сибирячок!

Боцман Сарма приветствует вас!

На своей железной банке
Переплыл я все моря,
А теперь в селе Листвянке
Боцман бросил якоря.
Здесь родился я когда-то,
Набирался здесь ума,
И зовут меня, ребята,
Фёдор Карпович Сарма!
Я сперва был просто юнга,
Удалой и полный сил,
И от севера до юга
Весь Байкал исколесил.
Даже нерпы, по торосам
Возлежа, кричали вслед:
Скоро станешь ты матросом?
Фёдор Карпович, привет!
Повели меня дороги
На морские рубежи.
Мне кричали носороги,
Улыбались мне моржи.
Шимпанзе смотрели косо,
Разбегались далеко,
Когда пил я из кокоса,
Из ореха, молоко.
Эти годы миновали,
Но о них я не тужу,
На своём родном Байкале
И живу я, и служу.
Вечерком вернусь я с моря
Заходите в терема:
Вам расскажет сто историй
Фёдор Карпович Сарма!

Как боцман Сарма потерпел кораблекрушение

Дождик льёт, как из ушата,
Над Байкалом кутерьма.
Проходите, малышата, –
Очень рад гостям Сарма.
Вот сейчас чайку согрею,
Угощу вареньем вас
И про мачты, и про реи
Поведу, друзья, рассказ.
...Как-то утром, рано-рано,
Только стал я за штурвал,
Вызывает капитана

Самый главный адмирал:
Есть у вас моряк отважный,
Знавший грозные шторма?
Капитан ответил важно:
Фёдор Карпович Сарма.
Пусть сегодня, в новолунье,
Я приказываю вам! –
Отправляется на шхуне
К Галапагским островам.
Если он отважный муж,
Пусть поймает черепаху,
Преогромную к тому ж!
В штормовом лихом июне,
Доложу, ребята, вам,
Мы отправились на шхуне
К Галапагским островам.
Провожали нас картинно,
Посылали нам привет
Старый бриг и бригантина,
Яхта и лихой корвет.
Десять штормов, восемь штилей,
Встречный ветер и туман –
Так мы шли – за милей миля.
Одолели океан!
Мы поймали черепаху,
Мы идём в обратный путь,
Ураган нас бьёт с размаху,
Хочет нас перевернуть.
Волны, тяжкие, как глыбы,
Бьют нас двадцать два часа,
А летающие рыбы
Изорвали паруса.
Я ведь парень тароватый
(Знаешь дело – не зевай!),
Я иглу поймал, ребята,
И сказал ей: Зашивай!
Тут пила к нам подрулила,
Что тут, братцы, началось! –
Шхуну вмиг перепилила:
Тут – корма, а там вот – нос.
Хорошо, что я был молод
И момент не упустил:
Под волной схватил я молот –
Нас с кормою склотил!
Плыли мы, не зная страху,
Ясным днём и под луной,
И верзилу-черепаху
В порт доставили родной.
Вот и всё, друзья-ребятки,
Зарубите на носу:
Отгадаете загадки –
Я другие припасу!

Аптекарь Анти-Ох

Если грустно человеку,
Если сон твой, скажем, плох,
Приходи скорей в аптеку,
Где провизор Анти-Ох!
Здесь всегда больному рады,
Лечат здесь без докторов:
Отгадаешь две шарады –
И «практически здоров».
Не пробирки, не облатки,
Не настойки на траве;
Отгадаешь две загадки –
И ходи на голове.
Вот аптека на пригорке,
В ней товар не задарма:
Скажешь две скороговорки –
Дверь откроется сама.
Заходи легко и смело
(От двенадцати до трёх),
Ждёт тебя в халате белом
Знаменитый Анти-Ох.
В банках – шутки-прибаутки,
Развесёлые слова...
Заходи на полминутки –
И здоров как дважды два.

Почему его называли Анти-Ох?

Как известно, в медицине
Рецепты пишут по-латыни,
Чтоб врачебные секреты
Не узнать нам никогда.
– Что ж, малыш, пропишем
так вам... –
Скажет врач и пишет:
«Аква».
Догадайся-ка, что это –
Просто-напросто «вода».
А сейчас вы всё поймёте:
Слово «анти» – значит «против».
«Антимама» – значит «папа».
«Антивыдох» – значит «вдох».
Если сами вы с усами,
Объясните-ка нам сами,
Что же значит это слово,
Это имя – Анти-Ох.

Советы аптекаря Анти-Оха

Если мама станет кашлять,

Если папа станет кашлять,
И глаза их покраснеют,
И исчезнет аппетит,
Полечите их, ребятки, –
Щекотать начните пятки:
Мама с папой захохочут –
И болезнь их улетит!
Если мама простудилась,
Если папа простудился, –
Вы немедля, ребятишки,
Уложите их в постель.
Суньте градусник под мышку,
Дайте им смешную книжку,
Под подушки положите
По конфетке – карамель.

Ужасный шум в аптеке Анти-Оха

В аптеке Анти-Оха
Большая суматоха,
Расстроен сам аптекарь
И все его друзья:
Закончились лекарства
От злости и коварства,
Их без весёлых шуток
Всех вылечить нельзя!
В стеклянных банках пусто,
И в ящичках не густо,
Где чудо-прибаутки,
Где байки, наконец?
Какая это драма,
Что смеха нет ни грамма,
На полке вместо смеха –
Засохший леденец!
Усердно ищет Натка,
По прозвищу Облатка,
Но ни одной загадки
Не может отыскать,
И горько плачет Юля
По прозвищу Пилюля:
От лени и зазнайства
Что детям прописать?
– Мы целую неделю
Не пили и не ели,
И даже телевизор
Молчал по вечерам,
Мы в прятки не играли,
Зато, друзья, собрали
Весёлых, славных шуток
Пятнадцать килограмм!
И толстые тетрадки,
В которых все загадки,

Смешинки и стишата,
Затеи всех родов,
Забавные лекарства
От злости и коварства
Писатели прислали
Из разных городов.
В аптеке Анти-Оха
Большая суматоха,
И хохот, и веселье,
И шум, и чехарда,
Эй, дети, птицы, звери,
Для вас открыты двери,
Входите, приходите
Сегодня и всегда!

В нашем Тридевятом царстве,
В славном детском государстве,
Много сказок и чудес.
Здесь растёт волшебный лес,
В нём такое происходит!
Здесь под кедром леший бродит,
Здесь вам даст целебный мох
Наш аптекарь Анти-Ох!
Славный боцман наш Сарма
(У него историй тьма!)
Пригласит вас в свой распадок,
Загадает сто загадок.
Приходите, в добрый час!
Будет весело у нас!

Песни Сибирячка

Песенка Сибирячка

Стихи М. Сергеева, Г. Граубина; музыка Л. Мацуева

Рад я видеть вас
В добрый день и час,
О себе, ребята,
Расскажу сейчас.
Я живу в лесу,
Службу там несую:
Дивную, лесную
Стерегу красу.

Припев:

Приходите в гости,
Я всегда вам рад,
Я ведь травам и деревьям –
Младший брат.
Вы увидите такие чудеса,
Вы услышите такие голоса,

Что подружитесь с тайгой наверняка,
Не на месяц, не на год,
А на века!

Я – лесовичок,
Я – Сибирячок,
Лёгкий, как пушинка,
Крепкий, как сучок.
Звери и цветы
Все со мной на ты,
Говорит мне: «Здравствуй!»
Каждый паучок.

Припев:

Письма напишу,
К дятлу поспешу,
Их отправить детям
Дятла попрошу:
Мол, Сибирячок
Ждёт вас на часок,
Он вам приготовил
Голубичный сок.

Я – Сибирячок

Стихи М. Сергеева, музыка С. Маркидонова

Кто меня в лесу не знает,
Знает каждый мотылёк!
И сам мишка косолапый
Машет лапой горячо!

Припев:

Ведь я Сибирячок
мальчишка!
Ведь я Сибирячок
мальчишка!
Ведь я Сибирячок
мальчишка!
Из кедровой шишки!

Я живу, живу в журнале.
Он, конечно, друг детей!
Да и вы его читали,
С ним и жить нам веселей!

Припев:

Там сказки, загадки,
Смешные картинки!
Там леший Кеша бродит
По лесным тропинкам!

Там ступа с Бабою-ягой
Идёт-бредёт сама собой...